

Рапсодия бамбуковых листьев

Май был невероятно жарким, но и сейчас, в июле, жара стояла ничуть не меньшая. Кроме того, исключительно высокая влажность также не способствовала повышению моего внутреннего индекса удовлетворения внешней средой. Обшарпанное здание школы никакого отношения к вершинам технологии типа кондиционеров не имело. Не думаю, что архитектор здания вообще имел представление о понятии «благоустройство», и аудитория 10-Д больше напоминала прихожую адского пекла.

Ко всему прочему, эта первая неделя июля непосредственно предшествовала триместровым экзаменам, поэтому мое хорошее настроение блуждало сейчас где-то в районе Бразилии и возвращаться не собиралось.

Оценки мои были ужасны, и если так будет продолжаться дальше, то трудно даже сказать, насколько плачевны будут для меня результаты. Определенно, все это из-за того, что я проводил слишком много времени с «Бригадой SOS» и не мог уделять достаточно внимания учебе. Мне не особо-то хотелось заниматься разной ерундой, а то, что с этой весны бесцельные метания из стороны в сторону всякий раз, стоило только Харухи о чем-либо заикнуться, стало для меня своего рода правилом - я уже возненавидел. А уж за то, что я мало-помалу к этому привыкаю, я уже начал ненавидеть себя.

Дело было на перемене, заходящее солнце лучами озаряло класс. С места сзади прямо мне в спину ткнулся острый кончик механического карандаша:

- Ты знаешь, какой сегодня день? - спросила меня Судзумия Харухи с видом дошколенка, которого вечером ждет новогодняя елка. Всякий раз, как на ее лице появлялось такое выражение, это было явным сигналом того, что она замыслила что-то недоброе. Секунды три я изображал раздумья:

- Твой день рождения?

- Нет!

- День рождения Асахины-сан?

- Не-а!

- День рождения Коидзуми или Нагато.

- Да откуда мне знать их дни рождения?!

- Кстати, мой день рождения...

- Да кого это волнует! Эй, ты действительно не знаешь, какой важный сегодня день?

Да что бы ты ни говорила, на мой взгляд - обычный жаркий день.

- Ну, а какое сегодня число?

- Седьмое июля. ...Так, ты что, о Танабате говоришь, что ли?[13]

- Ну конечно! Танабата! Та-на-ба-та! Если ты японец, как можно о нем забыть?

Вообще-то, этот праздник пришел из Китая. К тому же, если считать по лунному календарю, то

настоящая Танабата должна быть в следующем месяце.

Харухи помахала перед моим лицом карандашом.

- От Красного моря и до нас – это же все Азия!

Ага, открыла Америку.

- На отборочных играх к Чемпионату Мира мы же в одной группе играем, разве нет! К тому же, что июль, что август – все едино! Лето оно и есть лето!

А, ну да, конечно.

- Да ладно! Танабату надо как следует отпраздновать! К этому празднику я решила отнестись со всей ответственностью!

Вообще-то, мне кажется, что есть и другие вещи, к которым следует относиться со всей ответственностью. Да и какая такая чрезвычайная надобность объявлять мне об этом? Мне-то какое дело до того, чем ты там собираешься заниматься.

- Вместе будет веселей! Начиная с этого года, мы будем устраивать на Танабату нечто грандиозное!

- Говори за себя.

Несмотря на эти слова, глядя на воодушевленное лицо Харухи, я понимал, что возражать ей будет глупостью.

Как только урок японского языка закончился и прозвенел звонок, возвещающий окончание учебного дня, Харухи тотчас же вылетела из класса.

- Жди меня в клубной комнате! Домой не уходить! – бросила она мне напоследок.

В комнату кружка я собирался зайти и без этих слов. Там находилась та, чей дивный образ я желал бы лицезреть хотя бы раз в день. Моя единственная...

На втором этаже в корпусе культуры и искусств находилась комната литературного кружка, где размещалась, а точнее, где паразитировала «Бригада SOS». Прочие участники кружка уже собрались там.

- О, привет, - со светлой улыбкой на лице поприветствовала меня Асахина Микуру. Она – оплот моего душевного равновесия. Если бы ее не было, «Бригада SOS» была бы такой же средней паршивости штукой, как пресный рис без грамма приправы.

С июля Асахина перешла на летний вариант костюма горничной, невесть откуда притащенный Харухи. «Ой... Большое спасибо», - с чрезвычайно серьезным видом поблагодарила ее тогда Асахина. Сегодня, как и всегда, официальная горничная «Бригады SOS» преданно налила мне рисовый чай. Отхлебывая его из чашки, я окинул взглядом комнату.

- Ну, как дела? – кивнул мне Коидзуми Ицуки, оторвавшись от шахматной доски на столе и задачника, который он держал в руке.

- Дела мои не в порядке с тех самых пор, как я перешел в старшую школу.

На прошлой неделе Коидзуми сказал, что играть в «Отелло» ему надоело, и принес с собой шахматы. К сожалению, ни я, ни кто-либо еще играть не умели, так что ему приходилось играть одному и с грустью ставить мат самому себе. Экзамены были все ближе, но выглядел он спокойней некуда.

- Я, нельзя сказать, чтобы спокоен. Это своего рода гимнастика ума в перерывах между учебой - с каждой решенной задачей улучшается циркуляция крови в головном мозге. Как насчет партии?

Нет уж, неохота мне добавлять себе поводов для размышлений еще и сверх необходимого. Если держать в памяти разные глупости, из нее вылетят все английские слова, которые я, как-никак, держать там обязан.

- Жалко. Может, в следующий раз принести «Монополию», или сыграть в «Морской бой»? Так, чтобы все могли участвовать? Что лучше, как думаешь?

Все лучше. И все хуже. Здесь у нас не Общество настольных игр, а «Бригада SOS». Кстати говоря, для меня наша деятельность до сих пор загадка. Что с этим делать мне тоже непонятно, а узнавать специально даже не хочется. Меньше знаешь – крепче спишь. Следовательно, что делать – меня не волнует. Вот такая безупречная логика.

Коидзуми пожал плечами, вернулся к шахматному задачку, а потом поднял черного коня и передвинул его на новое место.

Сбоку от Коидзуми, с лицом, бедным на выражение даже по сравнению со второсортным роботом, сидела, не отрываясь от книги, Нагато Юки. Увлечение этой молчаливой нелюдимой прищельцы, наконец, перешло от переводных романов к оригинальным изданиям. Сейчас она читала нечто, даже название чего, написанное на обложке старинным шрифтом, вроде того, какой можно встретить в древних магических фолиантах, я бы не смог прочитать. Не иначе, какой-нибудь древнеэтрасский. Нагато, пожалуй, и клинопись спокойно разберет, уж не сомневаюсь.

Я выдвинул складной стул и сел. В ту же секунду Асахина поставила передо мной чашку. «И так жарко, а тут еще горячий чай...» - такие слова ни за что не могли прийти мне в голову, и я с благодарностью отхлебнул напиток из чашки. Ух... горячей и быть не может.

В углу комнаты крутился притащенный откуда-то Харухи вентилятор, производя эффекта не больше, чем вода, выплеснутая на раскаленные камни. Если уж на то пошло, могла бы свистнуть и служебный кондиционер из учительской.

Я отвел взгляд от шелестящих на ветерке страниц учебника по английскому, откинулся на спинку стула и изо всех сил потянулся.

В любом случае, вернувшись домой, за учебу я бы все равно не сел, поэтому попытался позаниматься после уроков в нашей комнате. Впрочем, где учебник не листай, если уж неохота - тут ничего не попишешь. В том, чтобы делать то, что делать вовсе не хочется, ничего хорошего быть не может ни с какой стороны. А без таких усилий и образ жизни здоровей будет. Точно, хватит с меня. Я отодвинул карандаш, закрыл учебник и решил взглянуть на свой «успокоитель». Успокоитель, способный исцелить мое пойманное в клетку пессимизма сердце, сидел напротив меня в образе горничной и решал задачи по математике.

То с серьезным видом глядя в учебник и строча что-то в тетрадке, то уныло размышляя, то озаряясь лицом, будто что-то придумав и снова берясь за карандаш... - да это была она,

Асахина Микуру.

Как же даже от одного взгляда на нее может полегчать! Моя душа наполнилась такой нежностью, что прямо сейчас мог бы раздать на милостыню все свои деньги до последней монетки. Не замечая моего взгляда, Асахина продолжала усердно корпеть над математикой. Каждое ее движение пробуждало улыбку, да я и действительно уже улыбался вовсю. Это все равно, что наблюдать за маленьким тюлененком!

Наши глаза встретились.

- Ай, чч.... что такое? Я что-то не то сделала?

Асахина принялась лихорадочно приводить себя в порядок. Зрелище это было не менее милым, и только я собрался произнести что-либо подходящее как...

- Та-дам!

Дверь звучно распахнулась и внутрь ввалилась нарушительница спокойствия.

- Простите, припозднилась!

Можешь не извиняться, никто тебя не ждал.

В комнату вломилась Харухи, неся на плече толстенный стебель бамбука. Бамбук был свежим и полным жизни, на нем еще росли свежие зеленые листья. Ну и зачем ты это сюда притащила? Поделки мастерить?

Харухи гордо выпятила грудь и ответила:

- Будем вешать сюда тандзаку[14] с желаниями, понятно?

Чегоо? Зачем?

- Да, в общем, низачем, просто давненько хотела. Каждый загадает желание. К тому же, сегодня Танабата!

...Как всегда, никакого смысла не оказалось.

- Откуда ты его притащила?

- Из бамбуковой рощи за школой.

Да там же чья-то частная земля! Ты, бамбуковый вор!

- Да ладно, ерунда! У всех бамбуковых деревьев корни под землей связаны, если одного стебля не будет, ничего не случится. Если бы я ростки взяла - вот тогда это, может, и было бы преступлением. А еще меня там комарье закусало, чешется все. Микуру-тян, намажь-ка мне спину кремом!

- А... да-да!

Асахина с аптечкой в руках мерными шажочками засеменила к ней, прямо как медсестра-практикантка. Выдавив из тюбика мазь, она просунула руку под матроску нагнувшейся вперед Харухи.

- Чуть правее... нет, слишком. Ага, здесь.

Харухи зажмурилась от удовольствия, как котенок, которому чесали шейку. Затем она прислонила бамбук к окну, встала на командирский стол и, вытащив невесть откуда взявшиеся у нее тандзаку, жизнеутверждающе улыбнулась:

- Ну, теперь пишите желания!

Нагато неуловимым движением приподняла голову, Коидзуми натянуто улыбнулся, а Асахина широко раскрыла глаза. То есть, эта палка, в смысле, бамбук, получается?.. Харухи соскочила со стола, подол ее юбки взметнулся вверх.

- Однако есть некоторые условия.

- Какие?

- Кён, ты знаешь, кто исполняет желания на Танабату?

- Кажется, Орихиме и Хикобоси?

- Верно, в десятку. А знаешь, к каким звездам относятся Орихиме и Хикобоси?

- Неа.

- Кажется, Вега и Альтаир? – немедленно отозвался Коидзуми.

- Точно! Восемьдесят пять очков! Именно они! Короче, тандзаку с желаниями надо направлять именно к этим звездам! Понятно?

Да что ты хочешь сказать? И, кстати, кому достались оставшиеся пятнадцать?

- Кхем, - не понять с чего, важно начала Харухи. - Объясняю. Во-первых, превысить скорость света невозможно. Это следует из теории относительности.

И с чего это вдруг ты об этом речь завела? Харухи достала из кармана юбки тетрадный листок и, периодически поглядывая в него, продекламировала:

- К вашему сведению, расстояния между Землей и Вегой с Альтаиром составляет около двадцати пяти и шестнадцати световых лет соответственно. А значит, посланная с Земли информация доберется до каждой из звезд за двадцать пять и шестнадцать лет. Ну?

И что с того? Кстати говоря, ты что, эти сведения специально разыскала?

- Значит, чтобы каждый из богов прочел наши желания, потребуется именно столько времени, понятно? Вот через столько желания и исполнятся! Так что надо писать то, что может осуществиться в будущем через двадцать пять или шестнадцать лет! А вот желания вроде «хочу себе к Рождеству клевого парня» не подойдут! – размахивая руками, убеждала Харухи.

- Так, стой. Если путешествие в один конец займет двадцать пять лет, обратный путь, получается, займет столько же. Может, тогда желания исполнятся через пятьдесят лет и через тридцать два года?

- Ну, это же боги - что-нибудь да придумают! Раз в год-то! Летняя скидка в пятьдесят процентов!

А, ну, если так, то теорией относительности, конечно, можно пренебречь.

- Ну, теперь всем понятно? Тандзаку будут двух видов - один для Веги, другой для Альтаира. Так что, пишите, что бы вы хотели, чтоб исполнилось через двадцать пять и шестнадцать лет.

Это просто полная чепуха. И сколько ж наглости надо набраться, чтобы загадывать сразу по два желания? К тому же, откуда нам знать, что мы будем делать через двадцать пять и шестнадцать лет? И чего желать? Пожалуй, самое лучшее - пусть без сбоев и крушений функционируют пенсионная и кредитная системы. Впрочем, если отправить такие желания, то Орихиме и Хикобоси будет весьма хлопотно. Они, бедные, встретиться-то только раз в год могут, а тут... «Может, обратитесь с этим к вашим политикам?» - я б на их месте так и сказал бы.

Всегда этой девчонке приходят в голову всевозможные глупости. Что-то вроде белой дыры у нее в голове, что ли? Образ ее мыслей что, действительно откуда-то из космоса?

- Ну, я бы так не сказал, - встал на сторону Харухи Коидзуми и тихим голосом, чтобы слышно было только мне, добавил. - Конечно, слова и поступки Судзумии-сан эксцентричны, но, очевидно, что такое здравый смысл она очень хорошо понимает.

Коидзуми со своей всегдашней яркой улыбкой продолжил:

- Если бы ее мышление было ненормально, этот мир не был бы столь стабилен, а должен был бы представлять собой весьма странное место, подчиняющееся довольно необычным законам.

- Откуда тебе об этом знать? - спросил я.

- Судзумия-сан желает, чтобы весь мир стал необычной, а также обладает достаточной силой, чтобы этот мир перестроить. Ты и сам должен это знать.

Да уж знаю. Хотя и есть некоторые сомнения.

- Однако к настоящему времени мир еще не лишился своих оснований, а значит, здравый смысл она ценит выше собственных желаний.

- Возможно, пример и детский, - сделал вступление Коидзуми, - но, допустим, она захотела бы, чтобы Санта Клаус существовал на самом деле. Однако с точки зрения здравого смысла Санта существовать не может. Никем не замеченным проникнуть в запертый дом поздно ночью, оставить подарок и исчезнуть - по крайней мере, в современной Японии подобная сцена невозможна. Да и откуда Санта Клаусу знать, чего хочет каждый ребенок? Опять же, возникает вопрос недостатка времени для того, чтобы обойти дома всех детей в мире за одну ночь. Это физически невозможно.

Да кто вообще будет всерьез раздумывать над такими вопросами?

- Вот именно. Поэтому Санта Клауса и не существует.

На спор меня подбивало то, что принимать сторону Харухи мне было неприятно, поэтому я задал ему вопрос:

- Если все так, то, как и в случае с Сантой, не может существовать и пришельцев, путешественников во времени и экстрасенсов, разве нет? Что ж ты тогда тут делаешь?

- Для Судзумии-сан, очевидно, этот присущий ей здравый смысл, своего рода заноза. Им и отвергаются ее помыслы о мире, где сверхъестественные явления происходили бы чаще.

Но, в конце концов, недостаток здравого смысла все же перевешивает, так?

- Именно желания, которые она не сумела подавить и привели к появлению существ вроде меня, Асахины-сан и Нагато-сан, а также к наделению меня необычными способностями. Насчет тебя я, правда, не очень хорошо понимаю...

Не понимаешь и ладно. По крайней мере, у меня есть уверенность в том, что я, в отличие от тебя, обычный человек.

Вот только счастье это мое или беда, пока неизвестно.

- Эй, там! Хватит шушукаться! У нас серьезный разговор!

Наши с Коидзуми перешептывания вконец достали Харухи, и она прикрикнула на нас, послав в нашу сторону гневный взгляд. Пришлось взять у Харухи карандаши с тандзаку и усесться за стол.

Харухи, напевая что-то себе под нос, водила ручкой, Нагато сидела без движения и глядела на тандзаку, а на лице Асахины отражалось затруднение, будто она решала задачу про волка, козу и капусту. Коидзуми, произнеся «Ну и дела...», склонил голову. Эй, ребята, чего тут серьезно раздумывать-то? Написать что-нибудь более-менее подходящее – вот и все.

...И уж, конечно, не надо говорить мне, что написанное и вправду исполнится!

Я, крутя в пальцах карандаш, огляделся по сторонам. Срубленный Харухи бамбук высовывался из настежь открытого окна, листьями свешиваясь наружу. Время от времени их тревожил случайный ветерок, и листья нарушали тишину свежим и спокойным шелестом.

- Ну, закончили?

Я обернулся на голос Харухи. На столе перед ней лежали тандзаку, на которых было написано следующее:

«Пусть мир вертится вокруг меня!»

«Хочу, чтобы Земля вращалась в обратном направлении»

Такое мог бы написать избалованный непослушный ребенок. Ладно бы это была шутка, но выражение лица Харухи, прикреплявшей свои тандзаку к бамбуковым листьям, было серьезней некуда.

Асахина милым аккуратным почерком вывела:

«Пожалуйста, пусть я научусь хорошо шить»

«Пожалуйста, пусть я научусь хорошо готовить»

Желания Асахины были воистину прелестны. Прикрепив тандзаку, она соединила ладошки, будто молясь на них. По-моему, она что-то не так поняла.

В тандзаку Нагато не было ничего интересного, и состоял ее текст из написанных

каллиграфическим, как в прописях, почерком скучных слов вроде «гармония» и «модернизация».

Коидзуми от Нагато ушел недалеко, неожиданно ударившись в литературщину и разродившись цветастостями типа «спокойствие и благоденствие» и «процветание и благополучие».

Что написал я? У меня все было просто. Это же будет через двадцать пять и шестнадцать лет - я тогда уже буду взрослым дядькой и, наверное, желать должен буду следующего:

«Хочу денег»

«Хочу дом с садом, где можно будет мыть собаку»

- Фу, как по-обывательски, - поглядев на прикрепленные мной тандзаку, прокомментировала Харухи, будто бы неприятно поразившись. Вот уж ее удивления мне только и не хватало! По сравнению с вращением Земли задом наперед, это куда как большее подспорье в жизни.

- Ну, ладно! Ребята, хорошенько запомните все, что записали! Первый пункт - через шестнадцать лет! Посоревнуемся - чье желание исполнит Хикобоси!

- Ах... да-да.

Поглядывая, как Асахина с серьезным видом кивает головой, я устроился на своем обычном месте. Нагато, когда я глянул на нее, к тому времени уже вернулась к чтению.

Харухи выставила длинный бамбуковый стебель за окно, закрепила, а затем, подтащив к окну стул, уселась и сейчас, опершись локтем о подоконник, смотрела на небо. Профиль ее почему-то выражал огорчение, и я даже немного растерялся. Сплошные перепады настроения. А ведь совсем недавно кричала и вопила.

Я открыл учебник, намереваясь снова готовиться к экзаменам, и принялся заучивать виды относительных местоимений.

- ...Шестнадцать лет... Долго... - тихонько пробормотала сзади Харухи.

Нагато молча читала свою иностранную книгу, Коидзуми продолжал играть сам с собой в шахматы, а я зубрил английский. Все это время Харухи сидела у окна и глядела в небо. Молчит, сидит неподвижно - загляденье, хоть картину рисуй. Поначалу я подумал, что она решила следовать примеру Нагато, однако такая Харухи - весьма зловещий знак. Видимо, задумывает сейчас очередные проблемы на наши головы.

Тем не менее, весь оставшийся день Харухи пребывала в непонятном упадке. Время от времени она поднимала взор к небесам и выпускала глубокий вздох. Мне становилось все более жутко. Буря после затишья страшна. Наверняка император Сутоку первые два-три дня после изгнания в Сануки чувствовал себя так же.[15]

«Шорх» - я поднял глаза на звук шуршащей бумаги. Асахина, сидевшая прямо напротив меня и игравшая в гляделки с задачником, приложив указательный палец к губам и подмигивая правым глазом, придвинула мне тандзаку. Затем, глянув мельком в сторону Харухи, она быстро убрала руку и опустила голову вниз с видом успешно напраказничавшей маленькой шалуньи.

Полностью сознавая, что становлюсь соучастником преступления, я спешно накрыл тандзаку ладонью, придвинул к себе и прочел написанные маленькими буквами слова:

«Пожалуйста, не останешься ли в комнате, когда все разойдутся? Микуру»

Разумеется, я именно так и сделаю.

- На сегодня все, - сказала Харухи, быстро взяла портфель и вышла из комнаты. Да уж, не в настроении. Всегдашний тоннами сжирающий бензин грузовик сегодня превратился в автомобильчик на солнечных батареях. Что ж, ну и к лучшему. Удачный у меня сегодня день.

- Ну, я тоже удаляюсь.

Коидзуми сложил шахматную доску и поднялся, а затем, кивнув нам с Асахиной, вышел из литературной комнаты.

Нагато с громким хлопком закрыла книгу. О, и ты за ним? Только я исполнился к ней чувством благодарности, Нагато бесшумно, словно кошка, подошла ко мне.

- Вот, - она протянула мне листок бумаги. Еще один тандзаку. «Нет, простите, доставкой по Млечному Пути мы не занимаемся», - думал я, разглядывая листок.

На нем были нарисованы странные геометрические узоры. Это еще что? Какой-нибудь шумерский? Боюсь, это даже с помощью шифровальной машины «Энигма» не разгадать.

Пока я, нахмутив брови, внимательно изучал то ли рисунки, то ли буквы, состоящие из кружков, треугольников и волнистых линий, Нагато уже отвернулась, собрала портфель и быстро вышла из комнаты.

А, ладно. Я запихал тандзаку в карман брюк и обернулся к ждавшей меня Асахине.

- Ээ... Ммм... Есть одно место, куда бы мне хотелось с тобой пойти...

Приглашение, да не от кого-нибудь, а от Асахины! Да если я откажусь, меня постигнет кара небесная! Скажи она мне - я в плавильную печь спрыгну!

- Хорошо, куда пойдём?

- Это... мм... три года назад.

Я спросил «куда», а мне в ответ - «когда»... Нет, так не пойдет. Впрочем...

Три года назад. «Опять?» - подумал я, и мне стало ужасно интересно. В конце концов, Асахина ведь утверждает, что она из будущего, но так как она такая милая, я постоянно об этом забываю. Но - три года назад? Мы попадем туда? То есть, получается, это будет путешествие во времени?

- Д... да.

- Ну, я, может, и согласился бы, но зачем я там понадобился? Что там делать?

- Это... Ммм... узнаешь, когда попадем туда... наверное.

В смысле?

Наверное, некоторые сомнения отразились и на моем лице. Асахина как будто в замешательстве всплеснула руками и принялась умолять меня со слезами на глазах:

- Пожалуйста! Прошу, ничего не спрашивай, просто согласишься! Иначе я... мм... у меня будут проблемы.

- Ну... ладно, хорошо.

- Правда? Спасибо!

Асахина запрыгала от счастья и на радостях схватила меня за руки. Да радость Асахины – это и моя радость тоже!

Если подумать, когда Асахина призналась, что она, якобы, из будущего, ясных доказательств она не предъявила. Спасибо, появилась взрослая Асахина – тогда, разумеется, я полностью поверил, но вероятность, что все это был какой-то хитрый трюк, все равно остается. А тут – такой шанс подкрепить теорию практикой!

<http://tl.rulate.ru/book/12701/248910>